А. А. Остапенко

КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

Сегодня у нас есть общее представление о происхождении, использовании, хронологии и технологии производства древнерусских крестов-энколпионов [Корзухина, Пескова]. Установлено, что в домонгольский период центр их производства находился в Киеве, но к какому времени относится их появление в средне- и севернорусских землях — все еще не ясно; не ясно также, когда на севере стали отливать первые подражания южнорусским образцам и были ли попытки изготовить свои собственные оригинальные модели; все ли энколпионы использовались как реликварии или же какая-то их часть представляла собой монолитные наперсные кресты; продолжалось ли их поступление из Киева во второй половине XIII—XIV в.; наконец, каков социальный статус владельцев этих изделий и какие особенности культуры отражает традиция их употребления.

На некоторые из этих вопросов мы попытаемся ответить в настоящей работе, где рассмотрим *23* креста-энколпиона XII—XIVв. из Старой Рязани. Из них 11 экз. уже опубликованы в разных изданиях (рис. 1, *3*, *4*; 2, *1*, *3—4*; 3, *1*, *5*, *7*, *10—12*) [Монгайт, 1955, с. 180, рис. 139, *10—11*; Даркевич, с. 40, рис. 18; Даркевич, Пуцко, 1981, с. 220, рис. 2, 12, 14, 16, с. 222, рис. 4; Даркевич, Борисевич, с. 80, рис. 43, *1—2*, с. 240, табл. 12, *6*, с. 312, табл. 84, *1*; Чернецов, 2009, с. 156, рис. 2, *2*; Стрикалов, Чернецов, с. 30, ил. 6, *26*].

Упорядочим коллекцию в соответствии с типологией Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой, в основание которой положена технология производства [Корзухина, Пескова, с. 10—39].

Лицевая створка с изображением Распятия и святых в медальонах (тип II.1.1, вариант 1) (рис. 1, *1*) найдена в пахотном слое на кладбище XIII в. (раскоп 34)[1]. Еще одна лицевая створка с теми же изображениями (тип II.1.1, вариант 2) (рис. 1, *2*) обнаружена в траншеях 1899 г. Фрагмент верхней лопасти такого же целого креста (рис. 1, *3*) происходит из подполья жилища первой трети XIII в. (раскоп 20), в котором обнаружен также клад ювелирных изделий [Даркевич, Пуцко, 1982, с. 196—202]. Первый вариант типа II.1.1 был создан не позднее рубежа XI—XII в.; второй является производным и датируется не ранее последней четверти XII в. [Зоценко, с. 123—124; Пуцко, 1987, с. 67—71; Корзухина, Пескова, с. 61—81].

Нижняя лопасть наперсного креста с изображением Пантократора в рост и святыми на лопастях, отлитого по образцу лицевой створки энколпиона типа II.2.1 (рис. 1, *5*), найдена в подполье жилища первой трети XIII в. (раскоп 34). Вместе с крестом здесь обнаружены позолоченная бляшка, книжная застежка, фрагменты стеклянных сосудов, восточной поливной посуды и амфор [Чернецов, 2003, с. 36]; на усадьбе найден клад серебряных ювелирных изделий [Буланкина, с. 191—197]. Надежно датированных образцов типа II.2.1 пока неизвестно, но исходя из косвенных данных предполагается, что это один из древнейших типов, появившийся уже в XI в. [Пуцко, 1987, с. 64—65; Моршакова, с. 160—163; Корзухина, Пескова, с. 83—84].

Наперсный крест с изображением Распятия, изготовленный по образцу лицевой створки энколпиона типа II.4.3 (рис. 1, *4*), происходит из остатков литейной мастерской первой трети XIII в. (раскоп 17). Помимо креста здесь обнаружены бронзовые матрицы, створка энколпиона типа VII.1 (см. ниже), писало, фрагменты амфор и иранских сосудов [Даркевич, Борисевич, с. 191—192]. Близ мастерской, на той же усадьбе, найден клад серебряных украшений [Даркевич, Фролов, с. 342—352]. Площадь двора составляет около 830 кв.м, что выделяет его из большинства старорязанских усадеб [Даркевич, Борисевич, с. 95, 184]. Надежно датированных образцов типа II.4.3 пока не обнаружено, но стилистические и иконографические наблюдения

[1] Карту раскопов см.: [Стрикалов, Чернецов, ил. 1].

указывают на его появление около рубежа XII—XIIIв. [Пуцко, 1988, s. 209—225; Корзухина, Пескова, с. 97—98].

Целый энколпион типа III.2.1 с изображением св. Бориса на одной и св. Глеба на другой стороне (рис. 2, *1*) найден в пахотном слое на месте усадьбы конца XII—первой трети XIII в. (раскоп 7). Здесь обнаружено несколько кладов и другие вещи, связанные с бытом верхушки общества [Даркевич, с. 19—71; Даркевич, Борисевич, с. 64—77]. Крест не имеет отношения к закрытым комплексам, но его попадание в слой во время гибели усадьбы представляется вероятным. Датировка борисоглебских энколпионов пока остается под вопросом, и если для рельефных крестов она определяется не ранее последней четверти XI в., то для рельефно-черневых, которые предположительно от них зависимы, — не ранее первой половины или, скорее, середины XII в. [Spinei, p. 105—106].

Целый экземпляр типа III.2.4 с Распятием на лицевой стороне и крестом с «сиянием» на оборотной (рис. 2, *2*) найден в траншеях 1899 г. Другой целый образец того же типа (рис. 2, *3*) происходит из подполья жилища первой трети XIII в. (раскоп 35). Вместе с последним обнаружено несколько невыразительных бытовых предметов. Вся усадьба площадью около 400 кв. м не выделяется среди городских дворов [Остапенко, 2009, с. 167—178]. Оборотная створка рассматриваемого типа (рис. 2, *4*) найдена в пахотном слое (траншея 1—1970). Предполагается, что тип III.2.4 появился в Киеве во второй половине XII в. [Пуцко, 1989, s. 169].

Лицевая створка типа III.3.1/2/3 с изображением Распятия (рис. 3, *1*) происходит из подъемного материала (близ раскопа 13); оборотная створка с изображением Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью (рис. 3, *2*), — из остатков жилой постройки первой трети XIII в. (раскоп 28). С последней связан обычный набор предметов, находимых в старорязанских жилищах: ножи, ключи, пряжки, стеклянные браслеты и пр. [Чернецов, 2005, с. 25]. Датировки крестов типа III.3.1 пока остаются в широких пределах XII — первой половины XIII в. [Корзухина, Пескова, с. 132—140; Приймак, Пуцко, с. 329].

Фрагмент оборотной створки (рис. 3, *3*) с утраченными изображениями идентифицируется исходя из формы, размера и отсутствия рельефа как часть энколпиона типа IV.6.1/2/3 с Распятием на лицевой стороне и Богоматерью Орантой на оборотной или же с крестом на обеих сторонах.Фрагмент найден в подполье постройки (возможно, жилой) первой трети XIII в. (раскоп 28). Из находок в ней отметим французскую бронзовую застежку с эмалью, позолоченную бляху, золотую подвеску в виде капли, золотую цепочку, печать «Успение — св. Анна с младенцем Марией» [Чернецов, 2002, с. 15—16, 19—28]. Энколпионы этого типа датируются в рамках второй половины XII—первой половины XIII в. [Корзухина, Пескова, с. 165—171; Жукова, Степанова, с. 111, рис. 93, *11*].

Первый целый образец типа IV.6.4 с изображением креста по обеим сторонам (рис. 3, *5*) найден при неизвестных обстоятельствах в начале XX в. [Розенфельдт, с. 184]; второй (рис. 3, *7*) — в пахотном слое (раскоп 38). Одна оборотная створка (рис. 3, *4*) происходит из сборов Рязанской ученой архивной комиссии 1888—1899 г.; две другие (рис. 3, *4*, *8*) (также оборотные) — из траншей на 1899 г. Появление типа IV.6.4 относится ко второй половине XII в. [Корзухина, Пескова, с. 171—178].

Фрагмент лицевой створки эмалевого энколпиона (тип V) (рис. 3, *9*) происходит из подполья жилища (раскопки 1926 г.), в котором обнаружены бытовые вещи XI—XIII в. (бронзовый позолоченный наконечник ремня, бронзовая пряжка, железные ножи, фрагменты стеклянных браслетов и стеклянного сосуда, золотостеклянная бусина). Подполье перекрыто кладбищем, образовавшимся около середины XIII в., и, так как его прорезают только костяки, а не какие-либо ямы, датировать комплекс следует концом XII — первой третью XIII в. [Городцов, с. 87]. Ни одной точной аналогии для старорязанской створки обнаружить не удалось. Начало производства эмалевых энколпионовприходится на середину (?) XII в. [Макарова, с. 90—92].

Лицевая створка типа VII.1 с изображением Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью (рис. *3*, *10*), происходит из литейной мастерской первой трети XIII в. (раскоп 17). Энколпионы этого типа появились в Киеве в первой трети XIII в. и бытовали на протяжении всего ордынского периода [Пуцко, 1998, с. 316–317].

Оборотная створка типа VIII.3.1 со святым в рост (рис. *3*, *11*) найдена в пахотном слое (раскоп 2). Она отличается чрезвычайно низким рельефом даже по сравнению с другими аналогичными энколпионами, что указывает на большой разрыв во времени между появлением первых образцов типа и отливкой рассматриваемого экземпляра. Находки таких крестов концентрируются в Северо-Восточной Руси; появление типа относится предположительно к XIII в. [Корзухина, Пескова, с. 225–228].

В числе 2 экз. известны кресты, изготовленные по образцу оборотной створки энколпионов типа VIII.2.2 или VIII.3.3. Первый (рис. *3*, *12*) найден в пахотном слое (раскоп 2); второй (рис. *3*, *13*) обнаружен в напластованиях XIII–XIV в. (раскоп 40). Первый крест – односторонний, с Распятием и святыми в медальонах; изготовлен из медного сплава. Второй – двусторонний, изготовлен из свинцово-оловянного сплава. Изображения на обеих сторонах последнего во всем повторяют те, что мы находим на первом кресте. Первый, должно быть, представляет собой привозной оригинал, второй – его местную копию. Косвенные свидетельства указывают на датировку типа XIII в. [Корзухина, Пескова, с. 223–224].

Оборотная створка квадрифолийного энколпиона со св. Николаем в среднике и одиночными святыми погрудно в медальонах (рис. 4) найдена в пахотном слое (раскоп 25). Створка обнаружена близ подполья XIV в. и, вероятно, с ним связана. Из подполья извлечены фрагменты амфор и глиняных поливных сосудов, а также обычные бытовые вещи [Чернецов, 1995, с. 61]. Рассматриваемый образец представляет собой один из вариантов типа второй половины XIII – XIV в. [Полубояринова, с. 66–67, 82, рис. 29, *4*; Седова, с. 59, рис. 19, *3*; Колпакова, с. 153–154]. Наличие этих крестов в скоплениях христианской пластики XVI в. показывает их верхнюю дату [Чернов, 2000, с. 67, рис. *3*, *2*; Алексеев, с. 234, рис. 1, *1–2*].

Итак, 8 экз. найдены в остатках жилых построек конца XII – первой трети XIII в. (рис. 1, *3–5*; 2, *3*; 3, *2–3*, *9–10*), причем время изготовления 3 экз. не выходит за начало XIII в. (рис. 1, *4–5*; 3, *10*). Для 9 экз. можно установить terminus post quem, если учесть место их обнаружения, так как разные части города были заселены в разное время [Стрикалов, Чернецов, с. 20, ил. 2]. Для 1 экз. (рис. *3*, *7*) – это начало XII в., для 7 экз. (рис. 1, *1*; 2, *1–2*, *4*; 3, *1*, *4*, *8*)–середина XII в., еще для 1 экз. (рис. 1, *1*)– конец XII в.

Хронологию дают также аналогии. Все образцы – может быть, за исключением рельефно-черневого борисоглебского (рис. 2, *1*) – достаточно уверенно датируются не ранее середины XII в. Для одного образца – створки квадрифолийного энколпиона (рис. 4) – эта дата поднимается до второй половины XIII в. Верхняя дата выпадения в слой определяетсяс трудом, поскольку все кресты могли использоваться до конца XIV в. Здесь мы можем руководствоваться лишь столь ненадежным критерием, как качество литья, исходя из которого только 2 образца (рис. 3, *11*; 4) могли использоваться в XIV в.

Что касается топографии, то энколпионы концентрируются, главным образом, на Южном городище, где они известны в числе 14 экз. (рис. 1; 2; 3, *1*, *4*, *8*, *10*; 4). Из них 11 экз. найдены в западной части городища (рис. 1, *2–4*; 2, *1–2*, *4*; 3, *1*, *4*, *8*, *10*; 4), тогда как 3 экз. – в юго-восточной его части (рис. 1, *1*, *5*; 2, *3*). Из раскопок Северного городища происходят 6 экз. (рис. 3, *2–3*, *9*, *11–13*), Посада – 1 экз. (рис. 3, *7*). Оставшиеся 3 экз. лишены привязки. Такое распределение согласуется с хронологией: большая часть Южного городища в XIV в. была заброшена.

Говоря о местном производстве, заметим, что не только в Старой Рязани, но и во всей Рязанской земле не находим ничего, что указывало бы на присутствие здесь оригинальных энколпионов. При этом зафиксированы попытки воспроизводства киевских изделий. На раскопе

17 в литейной мастерской первой трети XIII в. обнаружен наперсный крест, изготовленный с помощью оттиска в глине энколпиона типа II.4.3 (рис. 1, *4*). Рядом с ним найдена тщательно проработанная резцом створка типа VII.1, которую использовали или намеревались использовать в качестве образца для отливки еще одного креста (рис. *3*, *10*). Из подполья жилища первой трети XIII в. на раскопе 34 происходит наперсный крест, изготовленный по образцу энколпиона типа II.2.1 (рис. 1, *5*). Не исключено, что он представляет собой изделие ремесленника, работавшего в вышеупомянутой мастерской.

Сопоставляя материалы Старой Рязани с материалами других поселений, нужно принять во внимание разницу в раскопанных площадях. Тем не менее даже на таком хорошо изученном памятнике, как Ростиславль, найден всего один домонгольский энколпион; два других датируются рубежом XIV–XVв. [Остапенко, 2013, с. 135, рис. 3]. В Пронске, где также вскрыты обширные площади, не обнаружено ни одного энколпиона [Мальм, Фехнер, с. 193–209]. Единичны они в Коломне [Мазуров, с. 78–84] и на Жокинском городище [Монгайт, 1961, с. 227, рис. 100, *10*], а на Лубянском и Ижеславльском неизвестны вовсе [Монгайт, 1961, с. 216–226]. Что касается селищ, то имеются сведения о находках на Льговском селище [Милонов, с. 7] и селище у с. Яблоново [Тропин, с. 177, рис. 92, *2*]. Отсюда ясно, что старорязанская коллекция значительно превосходит все имеющееся в малых городах и сельской местности.

Вопрос о социальном статусе владельцев энколпионов неоднократно поднимался, и в двух случаях были найдены свидетельства того, что употреблялись они священнослужителями [Жарнов, с. 183–193; Мусин, 2004, с. 137–151]. В Старой Рязани мы не находим материалов, которые указывали бы на таковую принадлежность. В подпольях, которые ассоциируются с представителями городской верхушки, найдены 5 образцов (рис. 1, *3*, *5*; 3, *2–3*, *9*). Их следует дополнить экземпляром, обнаруженным на территории крупной усадьбы и, вероятно, с ней связанным (рис. 2, *1*). Из довольно бедного подполья происходит один крест (рис. *3*, *3*); другие извлечены из пахотного слоя или плохо документированы. Насколько можно судить, энколпионы встречаются чаще в комплексах, где отмечены яркие находки, но о большем говорить преждевременно.

Какие особенности культуры отражает традиция употребления крестов-энколпионов в XII–XIV в.? А. Е. Мусин замечает, что в XV–XVI в. эти изделия выходят из индивидуального употребления, тогда как в монастырях и церквях, напротив, кресты-реликварии появляются в большом количестве [Мусин, 2003, с. 365]. Исследователь объясняет это явление усиливающейся «централизацией и клерикализацией церковной жизни Древней Руси», одним из проявлений которой стало «признание за иерархией исключительного права на распоряжение и хранение реликвий» [Мусин, 2003, с. 365]. Эта гипотеза выглядит убедительно: оформление деспотического государства и соответствующей ему церкви потребовало упорядочить и почитание реликвий. Но у нас нет оснований утверждать, что сами эти реликвии были широко востребованы до XIV–XV в. Потребность в энколпионах, может быть, тем и объясняется, что стремившийся почитать реликвию должен был иметь ее в своем личном владении, так как во владении общественном реликвий не было вовсе или было мало, поскольку общество еще не востребовало их в массовом порядке. Приняв это допущение, рискнем предположить, что исчезновение крестов-энколпионов из культурного слоя древнерусских поселений маркирует начало широкого — массового — почитания реликвий, начавшееся в довольно позднее время — в XIV–XV в.

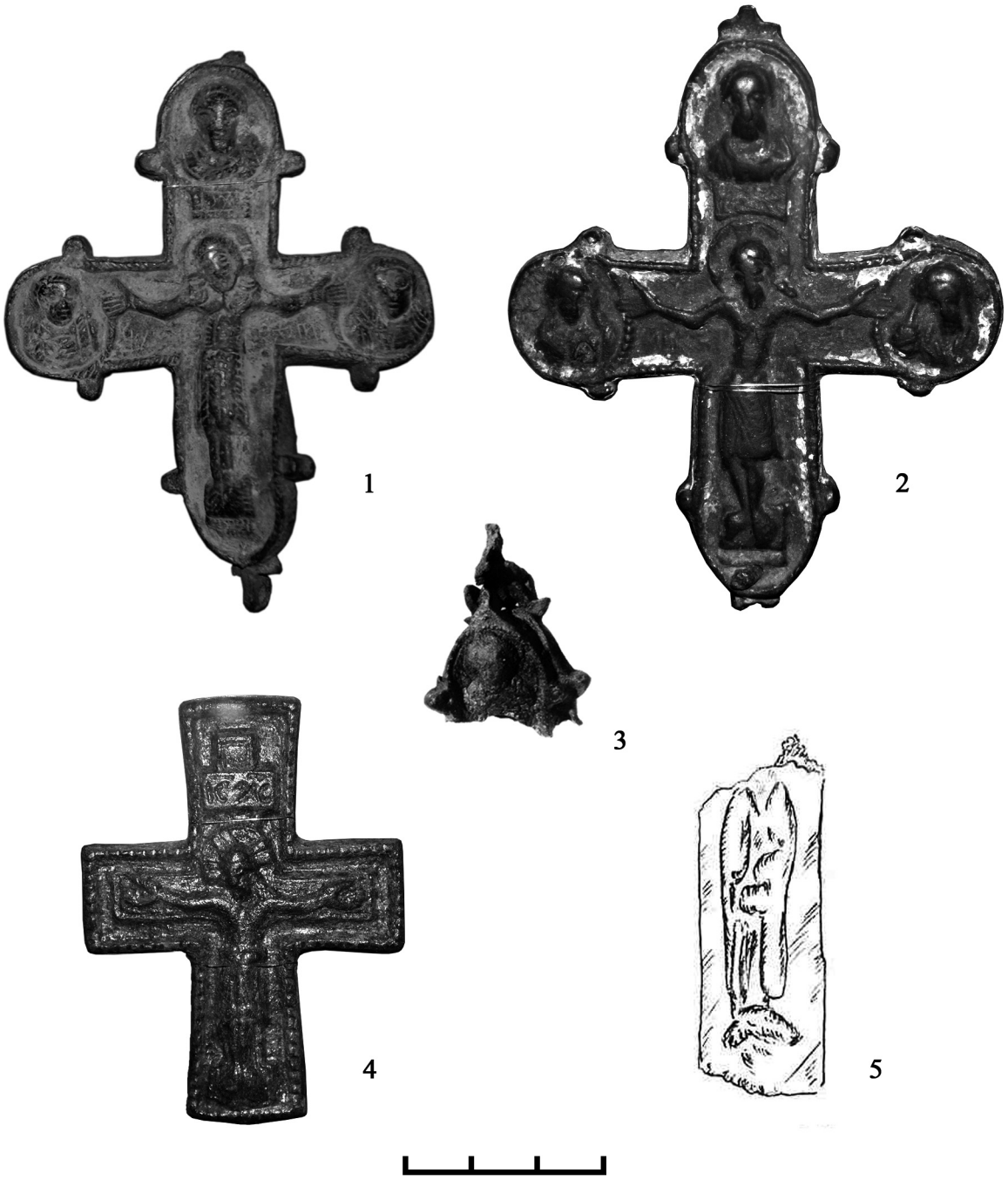

Рис. 1. Кресты-энколпионы (медный сплав).
Старая Рязань, вторая половина XII–XIII в.

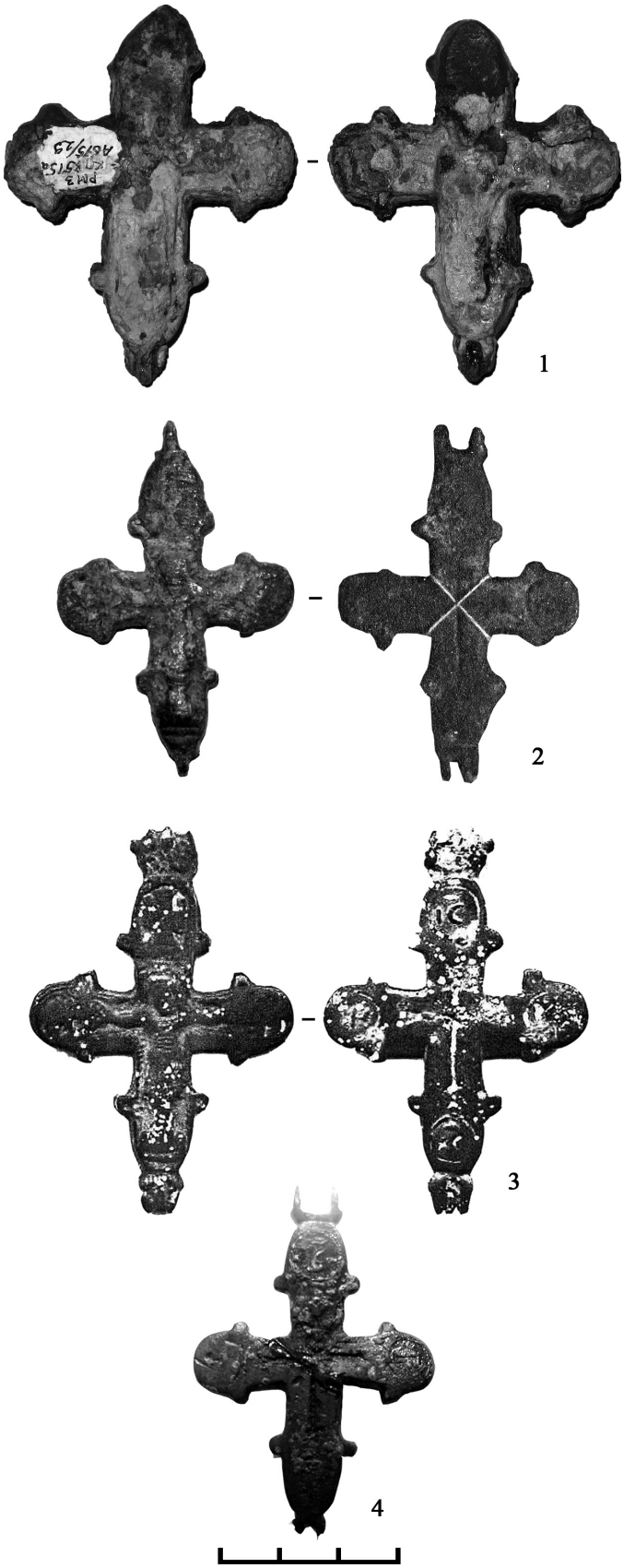

Рис. 2. Кресты-энколпионы (медный сплав). Старая Рязань, вторая половина XII–XIII в.

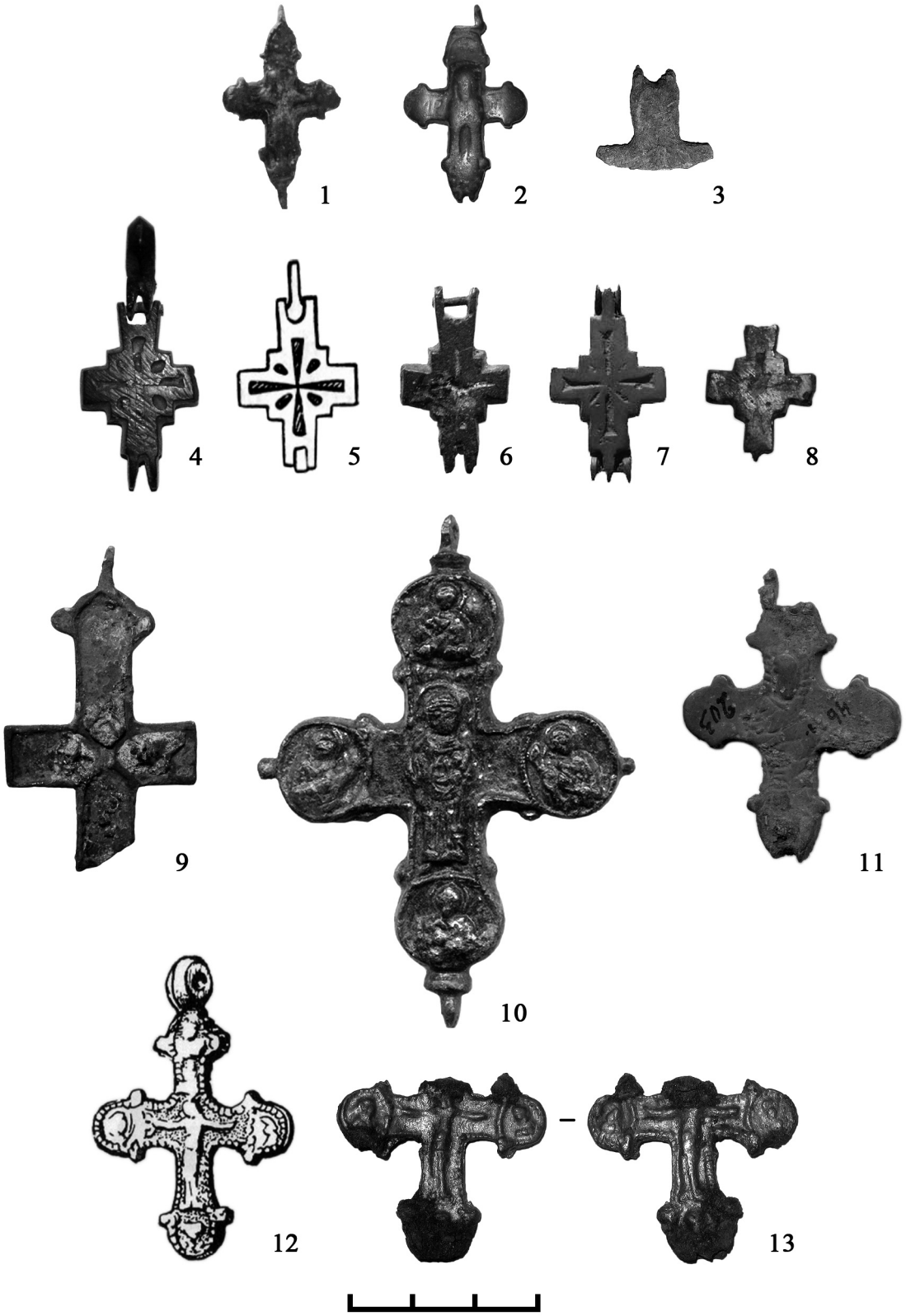

Рис. 3. Кресты-энколпионы. (12–1 – медный сплав, 13 – свинцово-оловянный сплав). Старая Рязань, вторая половина XII–XIII в.

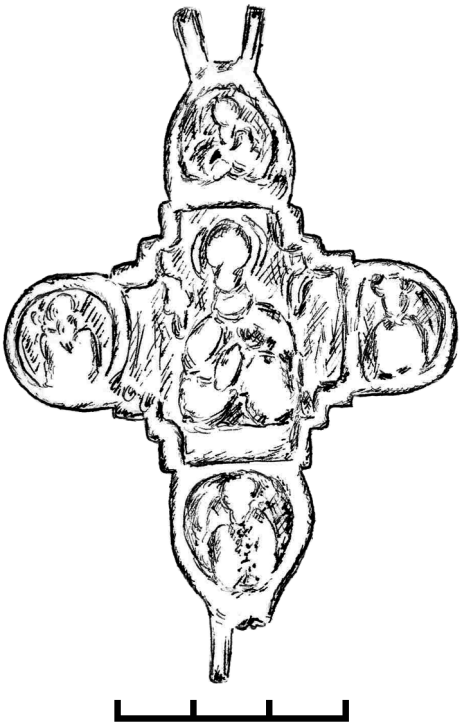

Рис. 4. Квадрифолийный крест-энколпион (медный сплав). Старая Рязань, XIV в.

Литература

Алексеев А. В. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. Сб. статей. М., 2005. С. 231–237.

Буланкина Е. В. Клад 2002 г. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 191–197.

Городцов В. А. Дневник археологических раскопок Старорязанского городища в 1926 г. Архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. № 152.

Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 19–71.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М., 1995.

Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // Советская археология. 1981. № 3. С. 218–232.

Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // Советская археология. 1982. № 2. С. 196–209.

Даркевич В. П., Фролов В. П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 342–352.

Жарнов Ю. Э. Художественное медное литье из раскопок Владимира-на-Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183–193.

Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь, 2010.

Зоценко В. Н. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности среднего Поднепровья: сб. науч. трудов. Киев, 1981. С. 113–124.

Колпакова Ю. В. Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2: К юбилею Лабутиной И. К. Псков, 2011. С. 141–156.
Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
Мазуров А. Б. Древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Коломны // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 78–84.
Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975.
Мальм В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 193–209.
Милонов Н. П. Отчет об археологических исследованиях по берегам р. Цна и ее левым притокам рекам Азе и Алешне в 1944 г. Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 2.
Монгайт А. Л. Старая Рязань (Материалы и исследования по археологии СССР. № 49: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов). М., 1955.Т. IV.
Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
Моршакова Е. А. Кресты-энколпионы XI–XIII вв. из музея «Московский Кремль» // Художественный металл России. Мат-лы конф. памяти Г. Н. Бочарова. М., 2001. С. 154–171.
Мусин А. Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 363–385.
Мусин А. Е. Усадьба «И» Неревского раскопа. Опыт комплексной характеристики христианских древностей // Новгородские археологические чтения–2. Мат-лы науч. конф., посв. 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рожд. основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 2004. С. 137–151.
Остапенко А. А. Усадебные комплексы юго-восточной окраины Южного городища Старой Рязани (по материалам раскопа 35) // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. М., 2009. Вып. III. С. 167–178.
Остапенко А. А. Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2012 гг.) // Российская археология. 2013. № 1. С. 130–140.
Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
Розенфельдт Р. Л. Егорьевская коллекция рязанских вещей // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 184–188.
Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. науч. статей. Рязань, 2012. С. 16–55.
Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XIV вв. южных территорий Рязанской земли. Елец, Воронеж, 2004.
Приймак В. В., Пуцко В. Г. Кресты-энколпионы из Путивля и Поворсклья // Деснинские древности. Вып. 3: Мат-лы межгосударств. науч. конф. «История и археология Подесенья», посв. памяти брянского археолога и краеведа Ф. М. Заверняева. Брянск, Клинцы, 2004. С. 328–334.
Пуцко В. Г. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 2б. Секция VI: Архитектура, искусство, духовная культура. С. 62–75.
Пуцко В. Г. Киевский крест-энколпион с Княжей Горы // SlaviaAntiqua. Rocznik poświęcony starożytnościom słowiańskim. Warszawa, Poznan, 1988. T. XXXI. S. 209–225.
Пуцко В. Г. Древнерусское художественное литье из Старого Галича // Acta Archaeologica Carpathica. Cracoviae, 1989.T. XXVIII. S. 165–173.

Пуцко В. Г. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. Revue Internationale des Études Byzantines.1998. T. LIX. № 2. S. 305–319.
Чернецов А. В. Отчет о работах Старорязанской экспедиции за 1995 г. Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 20870.
Чернецов А. В. Отчет Старорязанской археологической экспедиции о работах в 2002 г. Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 26226–26227.
Чернецов А. В. Отчет Старорязанской археологической экспедиции о работах в 2003 г. Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 28631.
Чернецов А. В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2005 г. Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № не присвоен.
Чернецов А. В. Работы Старорязанской экспедиции // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. М., 2009. Вып. III. С. 130–161.
Чернов С. Э. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // Российская археология. 2000. № 1. С. 63–81.
Spinei V. Cruciulițele-enkolpion cu imaginea individuală a principilor martiri Boris și Gleb și unele probleme privind canonizarea lor // Arheologia Moldovei. București, 2010. T. XXXII. 2009. P. 95–166.